

КНОПКА ПОД ПРИКРЫТИЕМ

УЛЬЯНА
ТРИНЬ

16+

Ульяна Гринь

Кнопка. Под прикрытием

«Автор»

2022

Гринь У.

Кнопка. Под прикрытием / У. Гринь — «Автор», 2022

Я охотница. Лучшая охотница на нежить. Некоторые говорят, что безбашенная, но это от зависти. Особая примета – боюсь и ненавижу змей. Мой шеф, настоящий садист, послал меня на спецзадание прямиком в «змеиное гнездо», где изощрённым способом убивают студентов! Наказать заслушание задумал. Или это психотерапия против моих страхов? А приставучие парни – тоже наказание или всё же это любовь? Как искать убийцу и остаться в живых, если мысли заняты другим? В общем, по результатам меня или повысят, или наградят. Посмертно.

© Гринь У., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Охота – это жизнь	5
Глава 2. Долгие провода – лишние слёзы	12
Глава 3. Студентка	18
Глава 4. Комната с сюрпризом	24
Глава 5. Подозрения	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ульяна Гринь

Кнопка. Под прикрытием

Глава 1. Охота – это жизнь

Прыжок, усилие, рывок – и бамс! Вурдалак с противным звуком шлепка кулём свалился на брусчатку, а я – на вурдалака, скривившись от отвращения. От существа воняло протухшей кровью и фекалиями, но долг превыше всего. Усевшись ему на спину, я попрыгала для верности и, прижав коленями к земле его длинные жилистые руки, выдохнула:

– Попался, гад!

Вышеупомянутый гад только дёрнулся без особой надежды на успех и затих, тяжело, с присвистом дыша. А я коснулась пальцем экрана часов. Тот вспыхнул мягким приглушённым светом, и на меня глянули красные глаза дежурного. В этот раз дежурил Петя-вампир. Я выдохнула:

– Агент два ноль шесть, высылайте бригаду зачистки на Чистые пруды! И передайте шефу, что гнездо уничтожено.

– Кнопка, ты что, вурдалака поймала? – изумился Петя, а я фыркнула:

– Кому Кнопка, а кому госпожа Воронцова-Вельяминова! Давай резче, а то он, гад, вырывается.

– Щянещирищающ, – прошуршал вурдалак, с усилием подняв голову от грязных камней мостовой.

– Вырываешься, – я толкнула его голову обратно.

– Кнопка, ты там полегче! Ещё обвинят в превышении пределов необходимой самообороны, – беспокойно заметил Петя, и вурдалак оживился, если можно было так сказать о нежити:

– Ща, ща, общицю!

– Тебя никто не спрашивал! – рывкнула я, подпрыгнув ещё разок на костлявой спине. – Адвокату будешь ныть! А я зафиксирую все полученные травмы, не беспокойся.

Гонка вымотала до самого последнего дыхания, и я, отключив вызов, прикрыла глаза. Тут нужна большая зачистка... Вурдалака видели смертные, департамент межсущностной полиции старается этого не допускать. Ну, а что поделать? Другого выхода у меня не было. Да они мне спасибо скажут ещё, в ноженьки будут кланяться!

Вурдалак вдруг взвизгнул и задёргался, стараясь вырваться. Вздохнув, я хорошенько приложила нежить ударом кулака по лысой башке. Никто мне никуда кланяться не будет. Зачистят память, уберут манну из гнезда и с брусчатки, чтобы смертные даже не задумывались о том, что видели что-то странное и необычное... Если только шеф похвалит. Хотя у шефа выдрать из уст похвалу – это как поменять местами луну и солнце.

Экран часов снова ожил, и Петя весёлым тоном сообщил:

– Бригада в пути. Много народу видело?

– Ну, человек сто, наверное. Я не считала, как ты можешь себе представить.

– Кнопка, а как ты гнездо-то, а? Их же там под дюжину обычно.

– Петенька, я тебе обязательно расскажу, когда мне позволят слезть с этого... трупы ходячего, – пообещала я голосом, который не предвещал ничего хорошего.

– Ты посиди, посиди, – рассмеялся вампир. – Что, неудобно?

– Петька! Он воняет!

– Кнопь, ты теперь тоже! – со сдавленным смешком сообщил Петя и отключился. А со стороны Башни Колдуна уже замаячили мигалки. Какой приятный зелёный свет! Переклика-

ется с сине-красными человеческими, когда кареты Скорой помощи везут больных в Склифосовского.

– Смотри, трупик, это за тобой, – я посильнее нажала коленом на лопатку вурдалака, и тот шепеляво отозвался:

– Ща не пощеду!

– А куда ты денешься... Не поедет он!

Чёрная закрытая машина тормознула у ограды, дверца отъехала с характерным металлическим лязгом, и на асфальт прыгнули трое крепких парней. Двоих я хорошо знала – близнецы Хасановы, оборотни из весьма уважаемой семьи чеченских вампалов. Третьего видела пару раз в Башне, но имени, а тем более сущности его не знала. Именно он обратился ко мне:

– Где зачищать, старшина?

Ишь ты, какие мы официальные! Разве что не козырнул. Я всё равно не смогла бы ответить из-за занятых рук, но зато я могла коварно улыбнуться. Глянула на нашивку и ответила:

– Зачищать отсюда и до обеда, старший сержант.

Он нахмурился, и пришлось показать ямочки на щеках. Я же прекрасно знаю, что они действуют на мужчин обволакивающе, как молоко на желудок, и те оставляют всякие попытки к сопротивлению.

– Я имела в виду – отсюда и до гнезда, в Третьяковке на третьем этаже.

– Это что, километров пять? – присвистнул Ильяс.

– Три. С половиной.

– Ты за ним гналась от Третьяковки? – его брат Имран выглядел озадаченным.

А вот старший сержант, который не представился, даже бровью не повёл, будто преследовать вурдалака три с половиной километра по вечернему городу бегом было самым обычным делом. Он кивнул Хасановым, указав на нежить:

– В машину его и вызывайте подкрепление. Нам не справиться, нужна большая мощность. Старшина, вам поймать такси или вы с нами поедете?

О, прелестно, мне даже подали руку! Но я была бы не я, если бы приняла помощь от этого мороженного леща. Самостоятельно поднявшись с нежити, которую тут же подхватили и уволокли в машину, встала на затёкшие ноги и улыбнулась широко:

– Да я уж как-нибудь сама, благодарю покорнейше. Удачи, мальчики!

Ночной город беспокойно пульсировал светофорами, рекламой, освещёнными фасадами. Уставшие мышцы ног медленно восстанавливались, и к лучшему – топать мне было далеко. Общежитие на Арбате... Или зайти в Башню, перекемарить на койке у курсантов? Да, Башня существенно ближе. Правда, там и шума больше. Как департамент магзащиты ни старался, изолировать звуки города не смог. Но мне город не мешает. Я люблю засыпать под шум машин и даже под сирены Скорой...

Голова вдруг закружилась с такой силой, что улица поплыла вокруг меня, словно хоровод девушек в сарафанах. Я резко остановилась, схватившись рукой за столб, и встряхнулась почти по-собачьи. Глаза медленно вернулись на своё место, ловя фокус, но чувство лёгкого головокружения осталось. Лекарство! Где-то в кармане было... Я пошарила по куртке, по джинсам, и наконец нащупала пузырёк. Вяло отколупав крышечку, выкатила на ладонь два последних шарика, покрытых яркой зелёной глазурью. Ого! Завтра как штык к Лазареву! Иначе сдохну от болей и вот этой круговерти перед глазами.

Закинувшись таблетками, я сунула пустой пузырёк в карман толстовки и шарахнулась к стене – прямо за спиной взвыла сирена. Потом выдохнула – сирена замерла на характерной высокой ноте и издала пару лающих воплей. Наши.

Обернулась.

– Кнопка, ты в Башню? Тебя подвезти?

– Русик, ты кретин! – беззлобно обругала я сидевшего за рулём блондина. – Разве можно так пугать?

– Не знал, что можно напугать старшину Воронцову-Вельяминову, – он широко улыбнулся, показав шикарные белые зубы с торчащими клыками. В такие моменты мне всегда представлялся его хвост, виляющий из стороны в сторону.оборотень Руслан Покровский – самый дружелюбный оборотень на свете. И глаза у него светлые, открытые и всегда ясные, хотя у других волков они часто наливаются кровью, как у вампиров...

– Ты первый, кто после этого остался жив, – пробурчала я, садясь на пассажирское сиденье серой Тойоты с нарисованным манной логотипом ДМП на дверце. – А что ты тут делаешь?

– С патруля сменился, еду сдавать смену.

Русь тронул машину, не обращая внимания на светофор, и я схватилась за поручень дверцы. Сколько раз уже клялась себе не садиться в патрульную машину! Наши ребята гоняют, как дурные мажоры, и ГИБДД им не указ. Правда, пока обходилось без жертв, но блин, когда это случится...

– Слушай, по рации говорили... Ты серьёзно гнездо вурдалаков в одиночку уничтожила? Верю, легко, от тебя это... пахнет.

Я вздохнула. Сегодня мне точно спать не придётся. Уже все в курсе. Думала, до завтра хоть отдохну, но нет. Паломники потянутся, желающие приложиться к ручке святой охотницы... Ну гнездо, ну вурдалаков... Что тут такого? Прямо, нашли подвиг...

– Русик, отстань! Гнездо и в одиночку. Дальше что?

– Кнопка, перестань звать меня этой собачьей кличкой!

– Русик, я перестану, если ты перестанешь звать меня канцелярской принадлежностью!

– Тебя все так зовут.

– Тебя тоже.

– Это не повод.

– Ой всё, – прибегла я к истинно женскому приёму. – Останови, я в Башню.

Русик тормознул на площади и схватил меня за руку, когда я как раз собиралась выйти:

– Кнопь, когда мы с тобой поужинаем?

Опять двадцать пять! Я аккуратно освободилась, не желая применять силу, и буркнула:

– Зависит.

– От чего, Кнопка?

– От всего. Но главное – от направления твоих мыслей.

– Да понял я уже давно, что ты меня держишь за друга, – Руслан поймал мою ускользнувшую ладонь и поднёс к губам. – Но я никогда не перестану добиваться.

– Флаг тебе в руки, Русь, и барабан на шею! А я пойду попытаюсь поспать!

– Давай я приду к тебе и подоткну одеялко, – глаза Руся снова смеялись, и я просто стукнула его кулаком по темечку – не больно и необидно, по-дружески:

– Желающих будет немало, приготовь плазмат.

– Я приду, когда разочарованные толпы поклонников скроются в темноте коридоров Башни, – таинственным полущёпотом ответил Русик и молниеносным движением чмокнул мою кисть. – Иди, о прекрасная старшина Кнопка! Жди меня, и я вернусь!

– Клоун!

Его слова вызвали у меня долгожданную улыбку. Напряжение от стычки с вурдалаками спало, и я ощутила приятный расслабон во всём теле. Нет, Руся надо принимать на полставки личным психологом! Как у него получается меня рассмешить? Откат придёт попозже, и я надеялась, что никого рядом не будет в этот момент. Мои откаты – зло для существ...

– Если решишься поужинать со мной, мой номер у тебя в телефоне.

– Удалю, ей-богу удалю нафиг! – пригрозила я и вышла из машины. Русик с тихим жужжанием опустил пассажирское стекло и наклонился так, чтобы его было видно из окошка:

– Кнопь, отдохни, ладно?

– Договорились, – улыбнулась я и пошла к воротам Склифа. Не оглядываясь. С Руся станется догнать...

Но сзади только взвизгнули шины, и я хмыкнула сама себе. Он хороший. Но я не чувствую к нему того, что зовётся искрой, бурей, безумием. А без этого нельзя любить.

Башня Колдуна стояла в самом центре Сухаревской площади. Видимая только существам, конечно же, иначе люди бы постоянно объезжали её на своих машинах. В далёких лохматых тридцатых годах прошлого века поступил приказ разобрать её, чтобы не мешать движению, и отец нынешнего хранителя, представитель славной династии Древних, провёл несколько лет, разрабатывая технику сокрытия Башни. Его решение оказалось элегантным, одновременно новаторским и весьма древним. Башню просто перенесли в соседнее измерение, оставив несколько входов и выходов, неощутимых для смертных. Людям оставили только часть подземных ходов, чтобы не вызывать слишком сильных подозрений. Но библиотека со старинными книгами существ была запечатана от смертных. И так те жалуются, когда видят мелькающего у входа охранника, называют его духом чернокнижника...

Где главный вход, я знала превосходно. Каждое существо чувало его нутром. Но чтобы войти, был необходим пропуск. Нашупав на шее артефакт, я потёрла его между пальцев. Бесцветный камушек вспыхнул жаром, засветился, и воздух передо мной разошёлся снизу вверх, как будто расстегнули невидимую молнию. Вытащив пропуск из-под майки, я приготовилась показать его охраннику, но тот махнул рукой дружелюбно:

– Здравия желаю, старшина! Проходите, я вас узнал.

– Спасибо м-м-м, – пробормотала я, безуспешно пытаюсь вспомнить имя охранника. Костя? Коля? Клим? Что-то на «К»...

– А можно автограф? – он оглянулся по сторонам и шагнул ко мне, протягивая планшет. Я шумно выдохнула. Началось. Уже и до охраны добралось известие о гнезде вурдалаков... Нет, серьёзно, я что – звезда, чтобы автографы черкать? Шеф меня за это по головке не погладит! Но блин, как приятно-то! Не поклон в ножки, однако целый автограф!

Я тоже оглянулась, проводив взглядом исчезающий за пеленой измерения город, оставляющий после себя только шум машин и далёкую сирену Скорой, а потом быстро расписалась стилусом по экрану планшета:

– Спасибо!

– Это вам спасибо, старшина Воронцова-Вельяминова! Дома покажу, жена завидовать будет! Она читает запоем криминальные новости в «Вестнике существ Москвы»!

– Тогда передавайте ей привет, – усмехнулась я, ощущая горячий компот славы, заливающий сердце и согревающий меня изнутри.

– Не премину, конечно же, обязательно, спасибо ещё раз! Удачи!

Пытаясь сдержать распирившую меня гордость, я прошла к лифту. В кабинке замешкалась. Спуститься сразу в казарму или сначала подняться на второй? Там, небось, ребята ещё работают, погреюсь ещё чуть-чуть в лучах новой славы... Пристанут с расспросами, конечно, но лучше сразу, чтобы потом уже качественно отдохнуть. Но за меня всё решил голос, раздавшийся из динамика на потолке лифта. С тресками и шумами, он велел безапелляционным женским тембром:

– Воронцова-Вельяминова, тебя ждёт шеф! Повторяю, агент два ноль шесть, шеф ожидает в кабинете немедленно.

Эх ты ж доля наша... Я вздохнула и утопила кнопку с цифрой «2». Шефа нельзя заставлять ждать.

На втором этаже было тихо. Только слышно было клацанье клавиш компьютера за одним из столов. Ага, Вадька отчёт строчит. Остальные уже смылись по домам. Странно, я думала, будет больше трудоголиков... Махнув Вадьке рукой на ходу, я вошла в предбанник началь-

ственного кабинета. Секретарь, младший лейтенант Вика Ивановна Прохорова, а попросту офисник по прозвищу Пуговка, всплеснула руками, оторвавшись от приготовления подноса с чаем и сдобными булочками:

– Кнопка! Девочка моя! Что же ты творишь?!

– Вик-Иванна, а что такое? – удивилась я. – Чего я такого сделала?

– Вот шеф тебе расскажет, что ты сделала, – пообещала нечисть, спрыгивая со стула и стаскивая поднос со стола. Прошествовав к двери, она толкнула её пухлой коротенькой ножкой и возвестила всё тем же стервозным, громким и высоким голосом:

– Сергей Власыч, к вам Воронцова-Вельяминова, как велели!

– Пусть войдёт, – прорычал шеф.

Я вошла.

Кабинет подполковника всегда представлялся мне тем, что должно было бы быть за дверцей шкафа в Нарнию. Загадочный лес, коряги, снег, полумрак, тишина – и леший за письменным столом. Хотя шеф лешим не был, вид он имел соответствующий. Заросший бородой по брови, лохматый, угрюмый, подполковник Сероволковский вызывал у подчинённых либо беспричинный страх, либо тайную ненависть. У всех подчинённых, кроме тех, кто знал его вне кабинета Департамента межсущностной полиции.

– Здравия желаю. Вызывали, Сергей Власыч? – тихонько спросила я, пытаюсь казаться незаметной на фоне дуба в кадке. Эх, жаль, что я не дриада, так бы просто растворилась в листе...

– Старшина, здравия желаю, – устало буркнул шеф. – Войди. Спасибо, Вика, ты можешь быть свободна до завтра.

Пуговка с усилием взгромоздила поднос на стол, до которого едва доставала макушкой, и отмахнулась безо всякой субординации:

– Как же, как же, уж дождусь, когда запирать кабинет надо будет. А вот вы не задерживайтесь, нечего тут ночевать, дом есть всё-таки!

Фыркнув, шеф подождал, пока Пуговка скроется за дверью и глянул на меня наливыми кровью глазами. Если бы я не была уверена в собственной безгрешности, перетрухнула бы знатно. А так только вытянулась по стойке смирно, следя за прохаживающимся шефом глазами. Он не спешил начинать разговор. Сероволковский предпочитал три раза подумать, прежде чем открыть рот. И эта привычка тоже была своеобразной манерой психологического давления на собеседника. Но сегодня мне было море по колено и горы по плечо. Я лихо бросила, прекратив желать стать дриадой и давясь желанием похвастаться:

– Господин подполковник, я бы отчёт вам завтра принесла.

– И принесёшь, – согласился Сероволковский. – Объявляю тебе благодарность за уничтожение гнезда вурдалаков. С занесением в личное дело. По такому поводу тебе полагается премия.

– Ух ты! Здорово! – воскликнула я, а потом прищурилась: – Сергей Власыч, вы хотели сказать – я получу премию?

– Я сказал ровно то, что хотел сказать, – снова рыкнул Сероволковский. – За нарушение должностных инструкций и техники безопасности объявляю тебе строгий выговор с занесением в личное дело. И лишаю премии.

– Но... Как это? За что? – растерянно протянула я. – Ведь гнездо того... тью-тью!

Подполковник грохнул тяжёлым волосатым кулаком по толстой столешнице, аж чашечки на блюдцах подпрыгнули с жалобным звоном. И я вздрогнула, снова замирая в позиции смирно, под рык шефа.

– Старшина Воронцова-Вельяминова, что предписывает инструкция при встрече с вурдалаком?

Стальные нотки в вопросе заставили меня сглотнуть вязкую слюну. На автомате я выдала заученный текст:

– Сообщить в Башню, вызвать в подкрепление бригаду зачистки и оставаться в укрытии, по возможности, не выдавая своего присутствия и соблюдая тишину.

– Вот. Во-о-от. А ты что сделала, девчонка?

Ярость окрасила радужку оборотня в пятьдесят оттенков оранжевого и красного. Подполковник едва сдерживался, чтобы не наброситься на меня одним прыжком и не откусить голову... Конечно же, он этого не сделает! Ведь объявил благодарность всё-таки! А мне надо держаться до конца.

– Я, господин подполковник, приняла решение попытаться уничтожить гнездо, потому что вокруг были смертные! А эти твари вонючие свили гнездо в самом людном месте! Обнаглели они. Надо было их проучить!

– Бестолочь! А если бы там была самка с детёнышами?!

Сероволковский сорвался на крик, и я вдруг ясно поняла, какую глупость вытворила. Самка вурдалака, защищающая потомство, опаснее орды безмозглых кваркеров. Последствия схватки с такой ордой я видела лично несколько лет назад, во время бунта нежити. Многие тогда умерли от рваных ран, причинённых острыми когтями, а другие – от заражения крови ядовитой слюной кваркеров...

– Не было там самки, – тихо, но уверенно пробормотала я. Шеф услышал и раздражённо спросил:

– Ну вот откуда ты могла знать? Откуда?

– Я чувствовала.

– Что ты чувствовала? Ты не медиум, не ведьма! Ты охотница! Я могу понять твоё чутьё, когда речь идёт об эмоциональной нежити, но вурдалаки не имеют эмоций! У них не происходит эманации ауры просто потому, что у них нет ауры!

– А всё равно я чувствовала...

Сероволковский устало вздохнул, проводя ладонью по лбу, словно стряхивая с себя негатив. Потом махнул, усаживаясь в кресло:

– Садись, Кнопка. Чаю попьёшь со мной?

– Попью, – согласилась, устраиваясь на стуле напротив. Шеф подвинул мне сахарницу:

– Давай, сласти побольше. Как голова?

– Нормально, спасибо.

– Покажись завтра Лазареву. Не шути с этим.

– Есть, господин подполковник.

– Брось, Кнопка, не сейчас. Официально я тебя вздрючил, теперь поговорим камерно. Ну как ты могла? Ты же понимаешь, что напугала всех! Я думал, у меня сердце остановится, когда мне принесли новость на хвосте!

– Вы же сами сказали, Сергей Власьич, что я охотница, – осторожно ответила я, помещая сахар в чашечке. – И знаете, что я лучшая охотница в Москве! Ничего же не случилось!

– Но могло случиться, – веско заметил он. – Представь себе, Кнопка, что сейчас думают курсанты? Что думают твои товарищи-агенты? А думают они вот что: Воронцовой-Вельяминовой можно, значит, и нам можно! К демонам должностные инструкции! К демонам технику безопасности...

– Простите, Сергей Власьич... Об этом я не подумала.

– Не подумала. А ведь инструкция не от скуки прапоров писана. Она кровью писана для сохранения вашей же жизни!

– Ну ладно вам, не ругайтесь больше, – улыбнулась я примирительно. – Больше не буду, честное охотничье!

– Конечно, не будешь, – вдруг подмигнул мне подполковник и откусил половину от булочки. Зажмурился от удовольствия: – М-м-м, моя любимая мясная начинка! А не будешь потому, что у тебя времени не будет. Агент два ноль шесть, с завтрашнего дня ты направлена на секретное задание.

Я замерла с чашечкой у рта. Секретное задание? Ого себе! Это мне вроде надо радоваться и прыгать до потолка, но сегодня я слишком устала для счастья. Поэтому спросила осторожно:

– Сергей Власыч, а я буду работать под прикрытием?

– Разумеется. Легенду и документы получишь завтра в секретном отделе. Сегодня отдохни хорошенько, потому что задание очень ответственное и опасное.

– Ура! – восхитилась я. – Да тут пахнет внеочередным званием!

– Кнопка! – строго пресёк мой восторг шеф. – Ответственное и опасное, ты слышала?

– Как раз для меня, – я самодовольно улыбнулась. Конечно, кому ещё доверить опасное задание, как не Кнопке, лучшей охотнице со времён революции? – А куда я отправлюсь?

– Повышать квалификацию в МаГУ, на факультет змееведенья.

– В Сибирь?! Там же холодно!

– Попила чай? Можешь быть свободна. И запомни – режим абсолютной секретности включается за порогом моего кабинета.

По выражению лица Сероволковского я поняла, что он закончил шутить. Сибирь и змееведы ждут меня. Знать бы ещё, что за задание!

Глава 2. Долгие провода – лишние слёзы

Откат наступил, слава всем богам всех существ, когда я уже приехала в общагу. Было три часа ночи, все смертные, бессмертные и полу-смертные спали мирно в своих постелях, а я валялась на полу, скрючившись в позу зародыша, и задыхалась, колотясь от ледяных объятий жёсткого озноба. Голова, наоборот, пылала огнём, но, повинувшись истеричному телу, дробно билась о потёртый линолеум комнаты. Наученная опытом, я не пыталась сопротивляться и просто ждала, когда приступ пройдёт, стиснув зубы, чтобы не прикусить язык...

Я Кнопка. Лучшая охотница на нежить со времён... не знаю, с каких времён. Я не знаю, где и когда я родилась, да и родилась ли вообще. С того момента, как помню себя, я жила у чужих людей, которые запрещали называть себя папой и мамой. А потом отдали меня в интернат, исчезнув навсегда из моей жизни. В десять лет я встретила Сероволковского. Он был тогда моложе, не такой лохматый, но точно такой же угрюмый. Не говоря ни слова, шеф ДМП забрал меня из интерната и поселил в маленькой комнатке своего огромного дома. Кроме меня там жили ещё люди... Ну как люди. Существа. Но это я поняла уже потом.

Огненный обруч, сжимавший голову, слегка отпустил, и озноб перестал обнимать. Подтянувшись на руках, я добралась до кровати, куда не успела упасть, и кое-как влезла на неё. Господи, как же хорошо жить на адреналине, если бы не откат! Погони, задержания, допросы... Это кайф и настоящая жизнь! Если бы не откаты... С утра к Лазареву, пусть крутится как хочет, но найдёт наконец чёртово лекарство.

– Кнопка, тебе водички принести?

Я разлепила тяжёлые веки и прямо над кроватью увидела торчавшую из стены полупрозрачную голову – кудрявую и щекастую. Застонала:

– Васька, уйди!

– Чё уйди, я пришёл узнать, может, чего надо...

– Надо будет – приду на кухню и попою водички! – рявкнула из последних сил. Призрак пожал едва виднеющимися из стены плечами и скрылся в соседней комнате. Натянув на себя покрывалко, я снова свернулась клубочком и поудобнее устроила голову на подушке. Ненавижу откаты... Надо спать, спать, спать, а мне нельзя. С утра в секретный отдел. А потом в Сибирь...

Прыжок, усилие, рывок – и я упала с кровати. Вурдалак, самка с детёнышем в руках, оказался ненастоящим. Мне приснилась погоня, как живая, как будто я снова пережила её. А в реальном мире светило позднее сентябрьское солнышко, птички ещё пели последние в этом году песенки на ветках за окном. Потирая ушибленную задницу, поднялась и досадливо поморщилась, оглядев одежду. Джинсы со вчера не сняла, майку будто корова жевала... Ещё и воняет, как в общественном туалете, где унитаза забилась.

Шесть утра. Могло быть и хуже, а так хотя бы три часа сна. Я решительно разделась, замоталась в покрывало и потащила шмотьё и постельное бельё, снятое с кровати, в кухню. По пути зацепилась покрывалом за велосипед, чуть не загремела вместе с ним и шёпотом выругалась на Ивана Денисовича, который взял нехорошую привычку оставлять своего железного коня в коридоре.

На кухне было распахнуто окно.

Сквознячок раздувал тюлевые занавески, прямо как в кино, а на подоконнике, свесив ноги наружу, сидела Лариска и расчёсывала костяным гребнем распущенные светлые волосы, тихонько и довольно мурлыча какую-то мелодию.

– Однажды ты свалишься с третьего этажа, – бросила я русалке, запихивая простыни в стиралку. Туда же отправились джинсы с майкой, столовая ложка порошка... нет, две столовых ложки! Лариска обернулась и сморщила нос:

– Аделаидочка, ты в какой помойке ночевала? Или арестовала вчера оборотня-скусна?

А, да, приятно познакомиться, Аделаида – это тоже я. Как можно догадаться, своё имя я терпеть не могу, и почему – тоже понятно. Однако Лариска – существо бесхитростное, наивное и настолько блондинка, что ей на это абсолютно наплевать. Она одна из всех друзей зовёт меня Аделаидочкой, не идя лёгким путём и не сокращая до Ады. Впрочем, если выбирать из двух зол, уж лучше канцелярская принадлежность...

– Не скунса, а вурдалака, – пробурчала я, запуская машинку. – Я в ванную.

– А давай сегодня пробежимся по магазинам, – предложила Лариска, никак не среагировав на вурдалака. Со вздохом я ответила:

– А не получится. Я уезжаю сегодня.

– Куда-а-а?

– Этого я не могу тебе сказать, Ларисочка, иначе мне придётся тебя убить! – заявила я со смехом и прошла мимо плиты в ванную. Закрыла дверь и услышала невнятное:

– Ну зачем ты издеваешься? Жалко сказать, да?

На последний жалобный выпад я не ответила. Это необязательно в случае с Лариской. Думать надо о другом. Вот я и думала, старательно намыливая шампунем волосы. Что же там случилось такое из ряда вон выходящее в сибирском филиале МаГУ, что ДМП пришлось послать туда агента под прикрытием? И не просто агента, а лучшего охотника. Возможно, нашествие йети... Хотя они довольно безвредные, но как знать...

Даже в пути к Башне я перебирала возможные варианты. Йети, бог с ними. В Сибири полно всяких злых духов. Надо с собой прихватить шпаргалку. Ладно, скажем прямо: она мне будет нужна только для определения агрессора, а как с ним бороться – интуиция скажет. Мне даже Сероволковский всегда доверял в выборе оружия...

В Башне Колдуна дежурил уже другой охранник. Его имя я помнила – Вениамин. Мужчина лет сорока внимательно проверил мой пропуск и усмехнулся:

– Здравия желаю, старшина, говорят, вы вчера отличились.

– Было дело, – пробормотала я, пряча артефакт под майку. – И что, все знают уже?

– Уборщица говорила, когда полы мыла.

Да чтоб их подвесило и перевернуло! Вроде бы серьёзное учреждение, полиция, а треплют языками, как барышни! Я только головой покачала и ответила рассеянно:

– Не надо верить всему.

На всякий случай, потому что в нашем департаменте могут перевернуть и дополнить такими подробностями, что потом или стыдно будет, или придётся соответствовать. Охранник бросил мне в спину, когда я входила в лифт:

– Я не верю, старшина! Но вы молодец!

Ага, я молодец. И ещё большая умничка. И лучшая охотница. И вообще... Но почему секретное задание в МаГУ мне кажется ссылкой? Или Сероволковский отправляет меня туда, чтобы я подумала о своём поведении? Спросить же нельзя. Это будет уже ни в какие ворота, даже если с шефом у меня довольно доверительные отношения. Да и не скажет он, если мне придёт в голову эта сумасшедшая мысль. Разве только Пуговка знает, но это вряд ли. Ладно, не маленькая, разберусь сама. Съезжу, прогуляюсь, посмотрю, как люди живут в этих ваших университетах. Вдруг захочется самой получить высшее образование?

Секретный отдел ДМП располагался глубоко под землёй. За почти век невидимости Башни к ней достроили несколько этажей сверху и вырыли с десятков снизу. Благо не стоило беспокоиться о метро. На минус восьмом этаже сидели секретники. Там всё было оборудовано вполне по-современному. Поэтому на выходе из лифта меня встретил только пюпитр на тонкой ножке и со светящимся экраном, с которого приятное женское лицо спросило с улыбкой:

– Ваше имя и звание?

– Старшина Воронцова-Вельяминова.

Я даже чуть было не козырнула по привычке, но вовремя сдержалась. Это же не старший по званию, а просто МИИ. Ну, магический искусственный интеллект. Компьютер со знанием магии...

Стеклянные двери, отделявшие вестибюль от этажа, медленно раздвинулись с характерным пневматическим звуком, и МИИ сказала благожелательно:

– Пройдите в кабинет «2АБ», вас уже ждут.

Когда я двинулась, из динамика раздался скучный мужской голос:

– Василиса, данные о посещении уничтожить.

МИИ помолчала и ответила с доброй улыбкой в голосе:

– Данные уничтожены. Приятного дня.

Ого, я и не знала, что у нас есть такие технологии! Прямо даже приятно стало за родной департамент. Ну, ясен пень, секретный отдел должен оставаться в секрете, но блин, неужели никто не разболтал? Очень странно и непохоже на наших сотрудников!

Передо мной лежал путь по длинному коридору – светлому, оформленному в белом и сером цветах. Через равные промежутки по обе стороны его располагались двери. Судя по всему, металлические и антивандальные. Ни ручек, ни кнопок, ни интерфонов. Только номерки, горящие в экранах. 1ИК, 3ФБ, 1АЛ... Никакой системы. Озадаченно наморщив лоб, я пошла по коридору, рассматривая каждую дверь на предмет номерка 2АБ. Он нашёлся по левой стороне почти в самом конце двухсотметрового коридора. А как войти? Постучать?

Я остановилась перед дверью, и на экране вместо цифры и букв появилась Василиса. Она снова улыбнулась, будто знала нечто, ещё мне неизвестное, и сказала:

– Старшина Воронцова-Вельяминова прибыла по приказанию подполковника Сероволковского.

Дверь щёлкнула замком тихонько, словно чихнула, и отъехала в стену. Я вошла.

В кабинете царил бардак... то есть, творческий беспорядок. Наверное, обстановка тут везде типичная. Была. Стеклянный письменный стол, стул, кресло и лампа. Шкаф. Так задумывалось, пока кабинет не заселил нынешний хозяин. Дедок лет шестидесяти в грязном белом халате, с бородкой шкипера и трубкой в зубах выглянул из-за кучи металлического хлама, в котором угадывался остов старого холодильника, роботизированные руки и пара дверец от микроволновок. Остальное было опутано разноцветными проводами и просто какой-то проволокой. Причём такие инсталляции были по всему периметру кабинета. Даже интересно, как дедок в них не путается и как ходит между них?

А хозяин поманил меня рукой:

– Давай, проходи, не жмись у порога. Аделаида, так ведь?

– Меня все зовут Кнопкой.

Я протиснулась между двух куч на небольшой пятачок у окна, которое даже не было окном, а очередным экраном с анимированным изображением морского берега. На мгновение я даже ощутила запах соли и свежий бриз, а потом дедок протянул заскорузлую ладонь:

– Я Перфильич. Можно звать дядя Филя. Можно – «эй ты там, беззубый». Как угодно, только в печь не ставить.

– Хорошо, – улыбнулась я. – Меня послал подполко...

– Я в курсе, – оборвал меня Перфильич. – Всё готово уже. Так, смотри.

Он шагнул к верстаку, где на гвозди и разный инструмент была навалена металлическая стружка, достал из-за всего картонную коробку и поставил на подоконник. Потом принялся выкладывать передо мной содержимое:

– Паспорт. Кодовое имя – Вронская Ада. Семья оборотней, крупный автобизнес. Ты родилась инвалидом – не можешь оборачиваться. Поэтому решила заниматься наукой.

– Поняла, – коротко ответила я, а сама подумала – отлично чо, я инвалид, среди оборотней меня не примут, остальные будут коситься и отталкивать. Как в такой ситуации вести расследование?

– Здесь краткая история семьи, – он хлопнул по подоконнику толстой тетрадь, сшитой из мелко отпечатанных текстом листов. Угу, ничего себе краткая...

– Билет на самолёт. Направление в университет. Аттестат средней школы смертных. Аттестат колледжа магии. Бронь общежития. Так, что ещё...

Перфильич выпрямился, раздумывая, потом хлопнул себя по лбу и полез за верстак. Достал оттуда чёрный саквояжик и тоже поставил на подоконник:

– Во, это Марфа.

– Марфа? – удивилась я. – Какое-то новое оружие?

– Не, оружие вот.

Дедок достал из-за пояса крохотный пистолетик, другой из кармана, а из-за пазухи – кинжал в ножнах:

– Плазмат, холодник, режик.

– Эм... Холодник – это разве не блюдо? – подозрительно уточнила я, а Перфильич махнул рукой:

– А обзови как хочешь. Я его сделал специально для этого задания, это прототип.

– Как им пользоваться?

– Как обычным плазматом, только он не поджаривает, а замораживает.

– Насмерть?

– Если не раскокаешь ледяную статую, то процесс обратим.

– Неплохо.

Взвесив оба пистолета в ладонях, я оценила лёгкость оружия и приятность рукоятки, засунула оба за пояс джинсов под куртку. Режик прицепила под мышку на ремень. Крутанулась, попрыгала на месте. Вроде не болтается. Отлично.

– Режик нового поколения, – предупредил Перфильич. – Как раз протестируешь и поделишься впечатлениями, договорились?

– Хорошо. А что за Марфа-то? – вспомнила я, покосившись на саквояж. Дедок хмыкнул и потянулся к серебристой застёжке. Она щёлкнула, как мне показалось, издевательски, и саквояж распанулся. В нём был стеклянный короб. А в коробе...

– Нет, только не это!

Крик вырвался из груди сам собой, и я зажала рот ладонью. Тихо, тихо, Кнопка, дыши! Дыши медленно и глубоко! А потом можно и высказать своё недовольство...

– Ненавижу змей, – процедила я, глядя прямо в прищуренные глаза Перфильича. – Можно мне другое домашнее животное?

– А вот нельзя, – ворчливым тоном отозвался он и постучал по толстому стеклу. Змея, овившаяся вокруг коряги, подняла плоскую голову и посмотрела на меня круглым глазом с вертикальным зрачком, а потом высунула раздвоенный язычок. Меня передёрнуло от отвращения. Змеи, ужас какой...

– Держи и не жужи! – резко захлопнул саквояж Перфильич и сунул его мне в руки. – У тебя самолёт в двенадцать пятьдесят, не опоздай!

– Я не хочу змею! Я их боюсь! Я не могу! – я знала, что протестовать ни к чему, что решение было принято за меня и это приказ, но не могла удержаться. Бухтела громко, уговаривая себя не дрожать и не трусить. Змеи – это моя фобия с детства.

– На факультет змееведения без пресмыкающегося не едут. А Марфа мирная и очень умная. Документы не забудь, секретный агент!

С недовольной гримасой я собрала вещички с подоконника и вспомнила:

– А связной кто? У меня же будет связной?

– Как же без связного? Будет связной. Но "слепой".

– А если мне понадобится...

– Пароль: "Ужасно хочется шаурмы", ответ: "Нет ничего вкуснее гречки".

– Вы издеваетесь? Кто это придумал?! Как мне узнать связного?

– Помилуй, девица! Я всё сказал, иди уже, остальное – секретная информация.

Эх... Придётся подчиниться. Всё же не в магазине работаю, а служу в полиции. Приказ есть приказ, даже если иногда хочется бунтовать.

Балансируя саквояжем и стопкой документов, я пошла к выходу. Меня догнал голос Перфильича:

– В медчасть не забудь зайти. Велено напомнить.

– Есть, – буркнула я громко и вышла в отъехавшую дверь.

В медчасть надо. Я бы и сама зашла без напоминания. Таблетки закончились, а в Сибирь я без них не поеду.

Медчасть находилась на нулевом этаже. Испокон века там были казематы колдуна. Сейчас в левом блоке держали арестованную нежить и задержанных существ, а в правом было царство Лазарева. В чине подполковника медицинской службы он начальствовал над тремя врачами и постоянно меняющимися медсёстрами. Правый блок совсем не походил на больницу, а скорее на санаторий с цветочками в кадках, с коврами и дорожками, с натяканными там и сям диванчиками... Я пробежалась мимо сестринской, мимо ординаторской, мимо общего фойе, где двое раненых вампиров на выздоровлении смотрели футбол по телику, и стукнула в дверь, на которой висела золочёная табличка «Главврач».

– Войдите! – рявкнули изнутри, и я вошла, чуть не уронив Марфу и бумажки заодно:

– Здрасьте, Лазарь Лазаревич! А чё вы кричите так?

– Ой, Кнопка!

Главврач – высоченный, худой и лысый – встал, смущённо вытирая руки о белый халат, и махнул мне:

– Я думал, очередная дурында с причитаниями. Садись. Давно не приходила, значит ли это, что тебе лучше?

– Нифига не лучше, Лазарь Лазаревич, – я уселась на стул с высокой спинкой и поставила саквояж подальше от ног. – Таблетки были, а теперь закончились. Голова всё время тянет, как только чуть напрягусь. Ну и...

Я замялась. Над откатами мы пытались работать, поскольку Лазарев считал их психосоматикой, но терапия ничего не дала. Ничего ощутимого, хотя спать я стала лучше, без хронических кошмаров. Может, главврач всё же решит подобрать мне лекарство?

– Таблеточки... Таблеточки...

Бормоча под нос, Лазарев выдвинул пару ящичков стола, потом открыл стеклянный шкафчик с пузырьками и наконец воскликнул:

– О, вот они! Тебе побольше или как всегда?

– Побольше, побольше, и от жадности насыпьте!

– Вот вечно ты хихикаешь, Кнопка, – главврач покачал головой и вручил мне два пузырька. Подумал и добавил третий: – Держи, горе моё. Мало ли...

Сунув лекарство в сумку, я всё-таки спросила:

– А по откатам что-нибудь нашли?

– Я ищу, Кнопка, ищу, девочка.

Взгляд Лазарева заострился, главврач словно стал ниже, сгорбившись, и добавил тихо:

– Обязательно найду, не сомневайся. А пока постарайся не выкладываться на полную катушку. После вурдалаков как?

– Было хреново, – коротко ответила я и встала. – Спасибо, мне пора на поезд.

А по пути надо посмотреть «Вестник существ», что же случилось на этом змееведческом факультете МаГУ?

Глава 3. Студентка

Я вышла из поезда в утреннюю густую марь Омска и удивилась. Было совсем не холодно и уже довольно-таки светло. Зелёное здание вокзала за спиной казалось символом Москвы и тем, что там осталось. А Омск предстал передо мной надеждой на успешное завершение задания и возвращением домой.

Поставив саквояж с Марфой на чемодан, я вытащила мобильник. В приложении ввела адрес универа и получила маршрут. Ёлки ведьмины иголки! Это мне полтора часа добираться... Может, такси взять? Я с сомнением глянула в сторону стоянки и вздохнула. Нет, наши люди в булочную... то есть, в универ на такси не ездят. Хотя по легенде я оборотень, но, походу, отрезанный ломоть, ибо инвалид. Так бы мама-папа машинку подогнали... Нет уж, подожду автобуса.

Устроившись на остановке, я снова открыла тетрадь, которую изучила от первого до последнего слова в поезде. Аду Бронскую наверняка создали давно и вели тщательно, поджидая удобного случая. Хоть она никогда и не существовала, у неё были родители, у родителей – свои родители, и так до четвёртого колена. Тётки, дядьки, кузены и бабки – все имели имена, даты рождения, адреса, профессии, бизнес... Я выучила всё. Включая пароль к самой тетради. Явно ведьма колдовала – для любого другого человека тетрадь была обычным конспектом по существологии. У меня похожий валяется в недрах стола дома. Надо ещё немножко почитать про детство Ады...

Эта несуществующая девчонка жила гораздо лучше меня. У меня не было возможности заниматься конным спортом и брать уроки пения. Пение – это, конечно, перебор. Скажу шефу. А вдруг попросят спеть? У меня талантов много, однако вокал в них никак не входит. То ли стадо медведей потопталось по ушам в детстве, то ли я родилась без слуха и голоса, но с пением придётся что-то придумать. А вот триатлон, где Ада взяла кандидата в мастера, уже ближе к моему профилю. В беге и плаванье я всех порву. А с великом разберёмся...

Шестьдесят девятый автобус подошёл, дыша жаром из-под колёс, и я забралась в него. Как ни странно, народу было совсем ничего, и места сзади были полностью свободны. Докатив чемодан до хвоста, я села на длинное сиденье и пристроила саквояж на коленях. Автобус чуть потряхивало на не очень гладкой дороге, и мне не хотелось разбить террариум. Огляделась.

Рядом сидел маленький человечек – старичок с бородой, одетый в крохотную шубку из воняющего нафталином чёрного меха и в вязаную шапочку типа «петушок». На плече у человека висела огромная сумка – потёртый портфель на двух замочках. Был дедуля слишком мал даже для карлика, и я доброжелательно улыбнулась:

– Привет!

Он прищурил глаза, которые совсем скрылись в морщинках век, и подозрительно спросил:

– Это вы мне?

– Тебе, тебе.

Старичок повёл рукой перед нами, и я ощутила тонкую, но надёжную пелену морока, который укрыл нас от остальных пассажиров. Магический народец силён во всяких таких штучках – раз, и все забыли, что на заднем сиденье автобуса девушка с чемоданом. Не магия, но что-то близкое, ещё не до конца изученное. Транспортник кивнул:

– А чтой-то господя теперича на автобусах раскатывают? Мода новая иль шта?

– Ну, я не из мажоров, – рассмеялась и протянула руку: – Ада!

– Евстахий, – дедок пожал мою ладонь сухенькими пальцами. – Кто ж вы такая?

– Так... оборотень, – ответила я, в последний момент прикусив язык, чтобы не сказать: «Охотница».

– Ага, понятно. С прибытьцем! В командировку аль жить туточки будете?

– Учиться я приехала. В МаГУ здешний.

– А откедава, ежели не слишком нескромный вопрос?

– Из Москвы.

Парасольник вздохнул тяжело, покрутив головой, пробормотал:

– Вот ведь... Все отсюдава хотят в Москву, а эта наоборот...

– А что поделать? Змей в холоде изучают, а то в тепле они активничают много.

Я с опаской покосилась на саквояж. Как там Марфа, интересно? В сопроводительном документе говорилось о кормлении два раза в неделю, значит, первый раз мне надо будет дать еду змее через три дня. И уже сейчас страшно об этом подумать... Пусть уж лучше спит себе тихонечко в прохладе...

– Погодь-ка, работа не ждёт, – Евстахий вдруг оживился, спрыгнул с сиденья и поспешил в центр автобуса. Я с улыбкой наблюдала, как он подхватил газету, оставленную вышедшим пассажиром, и вернулся ко мне. Газета улеглась в недра безразмерного портфеля, и парасольник довольно похлопал по облезлому кожаному боку:

– Вона чего. Будет чего почитать на досуге!

– Слушай, а местного «Криминального вестника» нету? – я попыталась заглянуть в портфель, но старичок ревностно загородил доступ собственным телом:

– Погодь! Гляну!

И закопался внутри. Криминальный вестник Москвы ничего не писал о криминальной обстановке в Омске. Есть шанс, что тут мне удастся почитать версию журналистов. В вестнике существ тоже ни словечка о происшествиях в МаГУ не было. В папке, переданной мне Перфильичем, была всего одна бумага – три убитых студента змееведческого факультета, их имена и сущности, нанесённые травмы. И всё. Предельно лаконично и сухо описаны обстоятельства обнаружения трупов, указаны свидетели, с которыми требовалось поговорить, а также сотрудники местного департамента полиции. Но это на самый крайний случай, действовать я должна была самостоятельно. Это, конечно, минус. А плюс – мне дали полный карт бланш.

Евстахий протянул мне чуть помятый газетный разворот. Вестник от вчерашнего числа. Почитаю попозже.

– Спасибо большое! Слушай, а скажи мне одну вещь.

– Какую?

– Правда, что из Омска невозможно уехать?

Парасольник захихикал скрипучим старческим смехом и ответил:

– А вот сами и узнаете, барышня!

Потом откашлялся и сказал уже серьёзно:

– Мы-то не знаем, нам незачем уезжать. Работа стабильная, жильё своё собственное. Да и семья туточки – зачем с насиженного места сниматься-то? Где родился, там и пригодился, так у нас говорят.

– Да и у нас тоже, – усмехнулась я. – Я бы с удовольствием пригодилась в Москве, но надо кхм... учиться.

– А и правильно! Когда ж ещё, ежели не в молодости?

Нашу милую беседу прервали подростки, которые ввалились в автобус на очередной остановке и принялись шумно приставать к двум девушкам. Женщины попытались урезонить местную шпану, но тем было море по колено. Евстахий испустил ещё один тяжкий вздох и снова спрыгнул с сиденья:

– Пойду я, уйму этих безобразников. А вам остановочку подскажу, не волнуйтесь, не заблудитесь!

Я только рукой махнула, мол, не обращай внимания, не надо меня развлекать. Парасольник засеменил в середину автобуса, я потеряла из виду шапчонку, а потом внезапно стало тихо. Вытянув шею, глянула и прыснула: у всех троих хулиганов очень синхронно отлетели пуговицы на штанах. Девушки хихикали, женщины начали возмущаться нравами молодёжи, а пацанам ничего не оставалось, как подхватить джинсы руками и выскочить из автобуса на удачно подвернувшейся остановке.

– Силён Евстахий! – хмыкнула я, провожая взглядом героически сбежавшую шпану. Она растворилась в окрестных переулках, а автобус двинул дальше. Город мне нравился. Он был не слишком большим, но и не совсем уж маленьким, хотя после Москвы, наверное, любой город показался бы мне безлюдным и крошечным. Невысокие пятиэтажки хвастались друг перед другом витринами магазинчиков – там продуктовый, сям телефонный, а дальше банк, парикмахерская, банк... Жизнь здесь, должно быть, неспешная, размеренная, плавная. Если бы не убийства в МаГУ, ни за что бы не поверила, что в этом городе могут происходить страшные вещи.

Кстати, о птичках. Кто мог бы высосать из тел всю энергию через, цитирую рапорт эксперта, «естественные физиологические отверствия»? Именно энергию, потому что кровь, лимфа и остальные субстанции остались на месте. А вот энергии не осталось даже на поддержание жизни. Именно это состояние называется «без души». Тела студентов лежали в холодильнике в подвале университета, и к ним мне надо будет подобраться, минуя охрану, чтобы осмотреть. Вампиры давно употребляют исключительно кровь добровольных доноров. Демоны используют зов секса и «пьют» исключительно этот вид энергии. Вурдалаков и упырей можно отместить сразу – те питаются кровью и плотью. Высасывать энергию могут определённые виды шишаг – из Малороссии, а ещё ликочерви и висцерные змеи...

Стоп!

Змеи?

Браво, Кнопь, ты лох! Факультет змееведения подразумевает наличие самых редких и самых опасных змей со всего света! Не удивлюсь, если в лаборатории или на кафедре в защищённом террариуме живёт парочка висцерных йагуан из Полинезии... Почему эксперт не подумал об этом? Потому что он не охотник и не специалист, а просто следователь из ДМП. Специалистов под рукой тьма, но они, конечно, промолчали, чтобы не подвергать опасности драгоценных змей...

Что же, одна версия у меня есть. Йети, конечно, ни при чём. Зря оговорила бедных снежных людей. Но следователь не останавливается на одной версии. Другие версии появятся, когда познакомлюсь со студентами.

Автобус с шипением остановился, и Евстахий свистнул спереди:

– Ваша остановочка, госпожа Ада!

Я услышала. Только я и услышала – нечисть не видна и не слышна смертным. Кивнув в знак благодарности маленькому седобородому парасольнику, схватила чемодан и саквояж, выскочила на серый асфальт остановки, выдохнула. Где моя карта маршрута? Университетов не видать, одни панельные пятиэтажки с магазинчиками и киоски. Деревья, правда, по обе стороны дороги, за ними ничего не увидишь... О, шаурма! Это хорошо! Люблю вредную еду смертных! А это что такое?

Нос уловил едва приметный запах манны. Не знаю, как остальные существа распознают этот источник магии, а я иду на нюх. Давно задумываюсь уже – может, у меня в предках были оборотни? Может, я и вправду инвалид, который не может перекинуться? Нет, Сероволковский бы сказал. Во всяком случае, тонкую невидимую ниточку манны я ощутила ясно, будто бы она была обозначена ярким цветом. След вёл через дорогу, мимо шаурмы и цветочного киоска, в длинное здание, на углу которого большими буквами было начертано: «Приёмная комиссия». А чуть дальше – Омский государственный университет. О, мне сюда.

Немного поплутав в коридорах, где следы манной путались и смешивались между собой, я наконец набрела на целый этаж, в котором не было запаха смертных. Вздохнула с облегчением и поплёрлась искать нужную мне дверь деканата. Вообще, для университета тут было слишком тихо и безлюдно. Ни тебе студентов, ни преподав. Не у всех же прямо лекции сейчас?! Впрочем, мне никто, кроме декана самолично, нужен не был. Именно он должен утвердить и допустить студентку Аду Вронскую к занятиям.

Господи, наконец-то! Я прочитала на одной из дверей – из светлого ореха, добротной и на вид дорогой – «Декан Полоз В.О, доцент, кандидат эмбекультурологических наук». А ничего такая фамилия у декана, говорящая. Интересно, он какой полоз? Жёлтенький или серенький в узорчики? Оборотень или может какой-нибудь наг?

Шумно выдохнув, я плюхнулась на скамейку напротив двери, поставила саквояж рядом и подпрыгнула от неожиданности – ко мне обратились мужским голосом:

– Привет! Ты тоже опоздун?

Боже, зачем так пугать-то? Как я его не заметила, понять не могу! Симпатичный парень, брюнет с длинной шевелюрой и волевым подбородком, который отважно разрежала пополам глубокая, как Большой каньон, ямочка.

– Опоздун... Что за слово-то такое, – проворчала я, разглядывая парня безо всякого смущения. Очень даже красив! Есть в нём нечто, располагающее к себе. Улыбка – просто атас! Нет, чего это я? Он весь атас – небрежная поза с расставленными ногами, свитер, повязанный рукавами на груди, толстая серебряная цепочка с затейливой вязью, татуировка на шее. Существо. Но какое – убей бог, не могу понять. А он не показывает, и это невежливо. Мальчики должны представляться девочкам, а не наоборот.

– Ну, опоздавшая, – брюнет улыбнулся ещё шире, показав ослепительной белизны ровные зубы. – Как и я.

Он протянул руку:

– Владлен. Или Влад тоже можно.

– Ада, – я не стала жеманничать и стиснула его ладонь нормальным рабочим рукопожатием. Оно не оставило нового знакомого равнодушным. Он потряс пальцами и удивился:

– Ничего себе!

– Нет, себе ничего, всё людям, – усмехнулась я.

– Существом? – уточнил Влад, и в глазах его запрыгали озорные чёртики.

– Им тоже. А ты на каком курсе?

– На первом. А ты?

– И я.

Дверь распахнулась, прервав нашу милую беседу «ниачом», и в коридоре показался мужчина лет тридцати. Этот – блондин для разнообразия. Сдвинув брови, строго спросил:

– Вронская и Черногорцев, полагаю?

– Да, – хором ответили мы с Владом. Переглянулись. Снова уставились на мужчину. Тот прищурил холодные голубые глаза и кивнул:

– Сначала дамы. Прошу.

Уй, мать всех существ! А почему мне стало так холодно и зябко в один момент? Будто открыла дверь в морозильную камеру... Ещё немного, и у меня пар изо рта пойдёт. Бр-р-р... Надеюсь, это не профессор. Потому что пока он идеально подходит на роль убийцы. И ведь тоже ничем не выдаёт свою сущность...

Я втащила свой чемодан в приёмную декана и уверенно сказала крохотному офиснику с длинной седой бородкой козлика:

– Добрый день!

Он буркнул себе под нос приветствие, а блондин прервал наш Версаль:

– В кабинет пройдите.

Пройду, чего ж мне, жалко, что ли.

Уж не знаю почему, но чувствовала я себя в кабинете декана, как в логове Сероволковского. Хотя тут было даже уютненько – на окнах милые шторы с оборочками, на столе рядом с плоским яблоко-ноутом фотографии в рамочках, а на шкафу с папками целая коллекция кактусов, даже кое-где цветущих, в нарочито разных горшочках. Декан указал мне на один из стульев, стоявших вдоль стола, а сам взял досье и принялся прохаживаться за спиной, шелестя листочками. Вот ведь противный тип! Как же неудобно, когда не видишь того, что за спиной... Я поставила саквояж на стол и обернулась, сидя вполоборота. Куда бы Полоз ни направился, я могла следить за ним, хотя бы краем глаза.

– Вронская.

Не вопрос, не восклицание. Просто утверждение. Ну, я и так знаю, что я Вронская. Чего молчит?

– Причина опоздания?

Всё-таки хорошо, что у меня фотографическая память! Перед глазами тут же появились строчки из тетрадки, которой снабдил меня Перфильич. Мило улыбнувшись, я постаралась придать голосу чуть заискивающий тон:

– Юбилей прадедушки Вронского! Знаете, ему исполнилось сто десять лет, и он такой капризный! Чуть что – грозит лишить наследства. А мне в моём положении...

И я весьма правдоподобно развела руками. Мол, вы понимаете... Полоз помолчал, потом задал следующий вопрос:

– Почему кафедра ядологии?

– Всегда любила вытяжки и настойки, наверное, бабушка согрешила с ведьмаком, – выдала я, радуясь, что натуральная блондинка. Можно ляпать, и даже ляпать уверенно, всё равно никто всерьёз не принимает. Вот и декан попался. Он только хмыкнул, оценив ширину тупости ответа, и на его правильном лице безо всякого выражения мелькнула гримаса досады. Да, уважаемый доцент и кандидат змеескультурологических наук, с Адой Вронской вам будет очень скучно. А Кнопку узнать не окажется возможности. К счастью или к сожалению, время покажет.

– Добро пожаловать в Омский МаГУ. Сегодня заселяйтесь в общежитие и решайте технические вопросы, а с завтрашнего дня прошу на лекции. По поводу пропущенных занятий обратитесь к каждому профессору отдельно, чтобы войти в курс дела.

– Хорошо, спасибо большое! Благодарю вас, от всего сердца, спасибо!

Ох, Кнопка, уймись! Хотя спасибов много не бывает, не стоит передёргивать. Я подхватила Марфу, чемодан, протянутые мне одобрительные бумаги, и ёжась, выскочила из кабинета. Всё-таки неприятный тип, просто ледяной человек какой-то. Не было ли у него в предках йети?

В коридоре меня встретил с тревожным видом Влад:

– Ну, как?

– Сам увидишь, – бросила я ему. – Бывало и повеселее!

– Черногорцев, в кабинет!

Ледяной голос из-за плеча заставил меня вздрогнуть и мысленно выругаться. А декан умеет подойти незаметно! Или подползти? Полоз ведь... Но Влад спас меня от позора, практически закрыв собственной спиной:

– Добрый день, Вячеслав Олегович, очень сильно извиняюсь за опоздание, вам звонили насчёт меня...

Вот, нормальные люди готовят приветственную речь, учат имя-отчество декана, а я, как та дурочка... Если бы мне дали пожить в шкуре Ады Вронской хотя бы недельку, я бы вжилась в роль, а так придётся импровизировать. Эх ты, доля тяжкая секретного агента!

Когда Влад скрылся в дверях кабинета следом за Полозом, я вспомнила, что совершенно не в курсе, где искать общежитие. Пришлось обратиться к неразговорчивому офиснику:

– Скажите, а где...

Даже фразу закончить не успела, а тот поднял фигу и выстрелил из неё ярко-фиолетовой ниточкой манны. Та важно проскользнула мимо меня в коридор и свернула направо. Что ж, пойдём направо.

– Спасибо, – бросила я и побежала за указателем, волоча за собой чемодан. Узкий коридор МаГУ вдруг выбросил меня в широкое фойе, и снова здесь не было запаха смертных. Значит, магия разделила два универа. Может быть, даже, как в Башне Колдуна, параллельный мир или, к примеру, левая реальность. В правой реальности – чёрной, принадлежащей высшей знати нежити – я уже была, правда, всего один раз и с официальным визитом, охраной и прочими выкрутасами, но больше туда без необходимости не сунусь. Живым там не место, даже бессмертным. А вот в левой реальности пока не довелось побывать. Вдруг это она и есть?

От толчка в плечо я выронила бумаги и едва удержала несчастную змею в саквояже. Листочки с расписанием лекций, направлением в общежитие и прочей бюрократической фигнёй бабочками запорхали вокруг, планируя на мраморный пол, а парень, на которого я наткнулась, скорчил недовольную гримасу и прошипел так, что у меня уши заложило:

– С-с-смотреть надо, куда преш-ш-шь!

– Извините, – машинально пробормотала я, заметив, как его лицо покрылось чешуёй, а зрачки сузились до вертикальной чёточки. Я даже могла поклясться, что видела скользнувший между губ раздвоенный язык. Всё внутри замерло, оцепенело, скукожилось. Я превратилась в камушек, неотрывно и заворожено глядящий в звериные глаза оборотня-змея. Мысли испарились, только одна стучала в висках – конец, пришёл мой конец...

Глава 4. Комната с сюрпризом

Тук.

Как медленно бьётся сердце.

Тук.

Ненавижу змей.

Тук.

– Эй, Кобринец! Извиниться перед девушкой религия не позволяет?

Звонкий голосок, как разряд дефибриллятора, заставил сердце наконец-то нормально завестись. Я вздрогнула и отмерла. Рыженькая девушка с вдохновенно пламенеющими зелёными глазищами боевым петушком насакивала на шипевшего. А тот неожиданно для меня отступил, смутился, даже за бумагами наклонился:

– Ис-свините... Чего ты кидаешься, Нелька? Это она на меня налетела, между прочим!

– Как на тебя не налететь, ты же безразмерный! Полкоридора занимаешь, когда идёшь!

Рыжая ткнула его острым кулачком в плечо, и змей зашипел, но уже беззлобно:

– Уймис-с-сь! Я опас-с-дываю!

Сунув мне собранные бумажки, он странно дёрнул головой, глянул долго в глаза и ушёл.

А я, заикаясь, сказала девушке:

– С-с-спасибо.

– Да не за что! – весело откликнулась она. – Ты тоже змея? Из какой семьи?

– Нет, я не змея, – от такого предположения меня даже перекосило на секунду. – Я эм...

волчица.

– О, здорово! Нашего полку прибыло!

Нелька встряхнула кудрявой шевелюрой цвета заходящего солнца, и я увидела маленькие треугольные ушки, чёрный носик на узкой мордочке, всё те же хищные вертикальные зрачки. Лисичка!

– Теплокровные против хладнокровных форева! Ура, ура! Ты же вступишь в наш клуб теплокровных?

– Обязательно, – пообещала я, не собираясь, разумеется, никуда вступать. – Вот только устроюсь в общежитии...

– А, ты тоже в общежитии? В какой комнате?

– В соточке, – глянув в направление, ответила я.

– О, забегу вечерком, договорились? А пока мне на пары! Да, я Нелли, а ты?

– Ада.

– До вечера, Ада!

И она ушмыгнула куда-то в один из коридоров. Мне даже показалось, что рыжий хвост мелькнул перед носом. Постояв с поднятыми бровями пару секунд, я трянула головой, пытаюсь прийти в себя. Симпатичная девчонка, открытая и простая, как веник. У меня как-то не очень получалось дружить с девушками, кроме Лариски. Но Лариска дружила абсолютно со всеми, как это ни парадоксально. У неё такой характер. А у меня другой. Девки – это сплетни, постоянный трюндёж ни о чём и то зависть, то ревность...

– Вронская! Эй, Вронская, подожди!

Фиолетовая ниточка манны настойчиво мельтешила перед носом, чтобы я не задерживалась, но я обернулась на голос. Влад догонял меня, широкая улыбка на лице. Прямо брат-близнец Русика! Наверное, тоже оборотень, только отчего-то не показывает этого. Вон как Нелька показала...

– Ада! Блин, да подожди же! – он бежал, придерживая на боку спортивную сумку. – Ты же в общагу, да?

– Ага. Тебя приняли?

– Куда денутся, – фыркнул он. – У меня уважительная причина. Тебя в какую комнату поселили?

– А что, тоже в гости придёшь? – съязвила, перехватив покрепче ручку саквояжа. Манна дёрнулась в сторону коридора между колонн, вернулась и закрутилась вокруг нас, явно недовольная задержкой.

– Пошли, путеводка торопится, – Влад кивнул на нитку. – А что, и зайду, еслипустишь!

– Да пушу, куда ж я денусь. Комната номер сто. А у тебя?

– Число зверя, – рассмеялся Влад. – Если не боишься, тоже приходи, как заскучаешь.

Его голос внезапно стал совсем интимно-вибрирующим, а сам парень оказался слишком близко, вторгшись беззаботно в моё личное пространство. Ой, жалко его прямо...

От удара в печень Влад согнулся пополам, а стон его прокатился эхом по коридору, напугав двух узкоглазых близняшек. А когда парень разогнулся, я уже была на лестнице. Оглянулась, хихикнув:

– Догоняй, чего ты там телишься?

Уважение, промелькнувшее в его глазах, наполнило мою душу радостью первобытной женщины. Поэтому я даже притормозила, поджидая держашегося за бок Влада. Он пробурчал:

– Могла бы и на словах выразить, чего сразу кулаки в ход пускать?

– Атака – лучший способ защиты. Давай, сам говорил – путеводка торопится.

– Я провожу тебя.

– Какой галантный кавалер, – пробормотала я, скрывая улыбку.

На этажах общежития было пусто, гулко и холодно. На стенах отчего-то горели свечи вместо ламп, а звуки шагов терялись в толстом, но потёртом половике. Влад начал оглядываться, и я всей кожей ощутила его тревогу. Да и самой стало как-то неудобно. С вурдалаками было типа того, что-то подобное. Волоски вдоль позвоночника поднялись дыбом, и даже на голове встопорщились – я этого не видела, но почувствовала.

– Атмосферненько, как в склепе, – попытался пошутить Влад, и я оценила, сказала негромко:

– Как в правой реальности.

– А ты была?

– А ты не был?

– Я первый спросил.

– Рассказывали, – уклонилась я от ответа. – Может, с непривычки?

– У меня в сумке... – сказал Влад почему-то шёпотом, – бутылка есть. Наверное, стоило бы накатить за первый день.

Я только глаза закатила, покрутив головой. Ага, только накатить мне и не хватает для полного счастья. Ещё выпрут за пьянство из универа... А потом Сероволковский так накатит, что мало уж точно не покажется.

– Соточка, – сказал Влад.

И точно, на филанчатой двери перед нами висели привинченные единичка и два нуля – пошлые золочёные циферки из совкового прошлого нашей страны, так непохожие на футуристические экраны секретного отела ДМП. В замке торчал ключ с провололочкой, на которой болталась бирка. Я взялась за ручку, боясь нажать, и обернулась на Влада:

– Ну, ты иди. Спасибо, что проводил.

– Ага, ага, иду, – ответил он, прислонившись к стене напротив с видом скучающего телохранителя. Я оценила мужество и всё-таки открыла дверь:

– О, нормальная комнатка. Ох ты ж, мать всех существ!

– Что? – подхватился Влад.

Я растерянно оглянулась и пробормотала:

– Не убрано тут только.

Посреди комнаты в неестественной позе, глядя в пустоту широко открытыми и подёрнутыми белёсой плёнкой глазами, лежала девушка моих лет, красивая, но обезображенная смертью.

Когда-то давно юную и воодушевлённую службой курсанта Кнопку подполковник Сероволковский впустил в морг. Нарочно. На минус третьем этаже Башни в морозном помещении с оцинкованными стенами лежали жертвы бунта нежити. Курсант Кнопка с минуту рассматривала ошмётки плеча или бедра, длинные рваные раны через всё тело, откушенную половину головы, а потом методично заблевала стерильное помещение. Дядя Слава, патологоанатом, сначала долго и затейливо ругался матом, так же долго и заботливо отпаивал меня коньяком, велел больше никогда не приходить, но я не послушалась. Да и по работе надо было. В общем, труп девушки, лежавший в комнате, особого отвращения не вызвал. Он был вполне приличным. Открытых ран не наблюдалось, слегка посиневшая кожа выглядела высушенным пергаментом, глаза тоже начали подсыхать и вваливаться. Хотя один побочный эффект от созерцания тела у меня всё же появился.

Головная боль... Отставить, Кнопка! Надо реагировать, думать буду потом.

Я раздумывала над своим возможным поведением недолго. У меня было всего три пути: упасть в обморок, заблевать комнату или закатить истерику. Четвёртый, самый натуральный для старшины ДМП, не рассматривался – надо делать вид, что никаких трупов я никогда в жизни не видела и даже близко не приближалась. За долю секунды я приняла решение пойти третьим путём, потому что хотела быть в курсе последующих событий, а комнату отмывать желанием не горела.

Мой истошный вопль добрался, наверное, до минус восьмого этажа ДМП, что в Москве. Я даже удивилась – не предполагала, что в худощавом теле метр пятьдесят с кепкой в прыжке есть такие ресурсы. Впрочем, до сегодняшнего дня они мне не были нужны. Зато впечатлили всех, а первым – Влада.

Он схватил меня за плечи и вытащил из комнаты, прижал всем телом к стене напротив, испуганно голая:

– На помощь! Все сюда! Помогите!

Я выла, как сирена патрульной машины, самозабвенно выводя всё новые рулады и старательно поднимая тон. Ещё бы немного – и до ультразвука дошла, всполошив всех оборотней кампуса, но, к сожалению, меня приподняли за куртку и резко встряхнули. Захлебнувшись, я обиженно проняла:

– Что ты делаешь?

– Ничего, ничего с-с-страшного, – услышала я знакомое шипение. А Кобринец-то тут откуда? Он же в другую сторону спешил!

– Вронская, ты меня слышишь? – взволнованный голос Влада задвинул на задний план звуки быстрых шагов, гомон существ, ахи, охи и всю остальную суматоху.

– Кто это? – взвизгнула я, тыча пальцем куда-то в сторону юга.

– Это? – он замялся. – Ты только не волнуйся, хорошо?

– Я совершенно спокойна, – выкрикнула, пытаюсь вырваться и глянуть в комнату. Змееоборотень загородил мне дорогу своим массивным телом и даже рукой придержал:

– Тише, тише, не надо туда.

– Это... эм... тело.

«Как и остальные...»

«Снимите след манны!»

«Почему Полоз не закрыл университет? Сколько проблем с родителями...»

«Кто это сделал?! Кто?»

Меня тоже интересовало, кто мог так качественно выкачать энергию из ещё недавно живого тела. Но ещё больше было любопытно, кто говорит. Я машинально запоминала голоса, интонации, оттенки страха, возмущения, горя. И пока никто не показался мне подозрительным. Нет, вряд ли тут виновато существо. Скорее всего, нежить. Они вообще мастера на пытки и изощрённые убийства...

Голова пульсировала с того момента, когда я взялась за ручку двери, а сейчас просто взорвалась изнутри. Конечно, не по-настоящему, но впечатление было такое, что ошмётки мозга заляпали всех и вся вокруг. Таблетки... Куда я сунула таблетки?

Зашарила по карманам в поисках флакончика, а руки тряслись... Влад спросил тихонько:

– Что ты ищешь?

– Таблетки!

– Подожди, я посмотрю, – и он принялся помогать мне, но я в панике оттолкнула его руки – у меня ж режик под мышкой!

– Я сама! – рывкнула так, что у него волосы вспорхнули, как у принца Чарминга. И таблетки сразу нашлись – испугались, наверное. Выкатив из флакончика две, я их проглотила и процедила сквозь зубы: – Я в порядке. Уже. Что случилось? Кто там... умер?

– С-студентка, с-сос-седка твоя, – просвистел Кобринец. – С-симпатичная девчонка... была.

Была. Да... Жалко. Таинственный убийца снова нанёс удар. Кто же он, этот гад?

Мы так и стояли у стеночки, втроём. Рядом шушукались другие студенты, и я краем глаза заметила Нельку. Она бросала на меня полные жалости взгляды. Так, что-то я слишком быстро успокоилась. Надо изобразить дурноту...

Мимо нас проплыли носилки, двое мужчин принялись укладывать на них труп. Вот и удачный случай. Я расслабила все мышцы, кроме тех, которые расслаблять нельзя ни при какой ситуации, и просто осела на руки Влада. Или Кобринца. Нет, если судить по объёму этих самых рук, всё-таки Влада. Уловила эмоцию – чисто мужскую, досадную. Фу на него. Кобель! И другую эмоцию – уже от оборотня. Тревога пополам с подозрением. За кого тревожится? Ведь за убитую студентку уже поздно. А за меня – не от чего. Или он догадывается, кто убийца? Тогда в чём меня подозревает?

Запутавшись, я закрыла глаза, отмела все звуки и настроилась только на приём эмоций. Ужас, паника, любопытство, даже восторг... Это девчонки. Тупые курицы. Кроме нескольких, которые озабочены и расстроены. Влад беспокоится обо мне. Ну да, ему плевать на убитую, он её не знал. Кобринец... Нет, эмоции чистые и яркие, безо всякого подтекста. Он тревожится всерьёз и не за убийцу. И не за труп. В смысле, не за соседку. За меня?

Ярость ворвалась в мою голову так внезапно, что мне чуть и правда не стало дурно. Кто-то бушевал и не понарошку. Сильный тип, очень сильный! Одной силой мысли, наверное, может разнести стены универа!

– Вронская!

– Аюшки? – откликнулась, не открывая глаз. Голос такой знакомый...

– Что произошло?!

– Мы открыли дверь, а там – вот, – доходчиво объяснил Влад.

– А ос-стальные уже на крик с-сбежались, – дополнил Кобринец.

– Вячеслав Олегович, Ира Иванова со второго курса, – доложили сбоку вкрадчивым скрипучим голосом. Домовой. Комендант, наверное. – Полицию уже вызвали.

– Пусть ко мне зайдут потом, – ледяной голос декана заморозил мои собственные эмоции, и пришлось мысленно поколупать их.

А потом я уловила мысль. «Придётся распускать студентов по домам...»

Э нет! Так я провалю задание! Нет-нет, Вячеслав Олегович, не надо никого распускать. Я найду убийцу! Честно!

Открыв глаза, я поймала напряжённый взгляд Полоза и замерла. Неужели он умеет читать мысли?

Нет-нет-нет! Я бы почувствовала. Да и физически это невозможно – курсантов ещё в первый год службы учат закрывать сознание в любой непонятной ситуации. К третьему году это становится привычкой. А у меня – подозрительной и недоверчивой по натуре – это в привычке с первого дня. Поэтому мысли мои Полоз, даже если умел, прочитать не мог. Возможно, он удивился, что первокурсница и не ведьма умеет ставить блок. Пусть удивляется, сколько влезет, мне не жалко...

Озноб пробежал по позвоночнику от атланта до копчика. Нет! Это же не может быть откат! Откуда бы ему взяться, если не было выброса адреналина? И с нежитью я не контактировала... Или контактировала, сама того не зная? Какая разница ко всем чертям, если я сейчас заколочусь по полу, как эпилептик, начнутся вопросы... Надо стиснуть зубы... Когда это помогало? Но другого выхода нет...

– Унесите уже побыстрее, – словно сквозь туман услышала женский голос. – Надо комнату убрать...

И совсем тихо женщина добавила:

– А студентке этой, которая труп нашла, прочистите память немножко.

– Зачем? – шёпот домового.

– Комнат свободных нет. И вообще... Всем надо морок наложить, чтобы не болтали.

Так-так-так. Вот, значит, как дело обстоит! Мозги туманят студентам, те ничего не помнят, родителям не жалуются, паники нет, всё прекрасно. А то, что трупы каждый день – так это ничего, это бывает!

От злости я чуть было не пропустила касание мягкой лапкой моего сознания. У домового общаги был нехилый талант, но что он может против Кнопки? Меня натаскивал сам майор Алтунин – самый крутой нечистик Башни! Он даже Сероволковского может заставить танцевать лезгинку, если захочет. А методы у Алтунина новаторские и очень даже восточные. Главное, не сопротивляться воздействию, принять всё, что тебе хотят внушить, спрятать то, что хотят отнять, дать то, что не жалко, а лучше липу. Помнится, тренировалась я на всех, кто под руку попал. Некоторые даже жаловались подполковнику, но зря. Я всегда была его любимчиком... Пригодились тренировочки-то! Без труда подсунув домовому обманки, я обволокла внушение прозрачным невидимым со стороны коконом и сложила в уголке мозга. Пусть будет, вдруг понадобится. Нечистик быстро успокоился, видимо счёл меня достаточно податливой, и тем же шёпотом доложил женщине:

– Сделано, Маргарита Аресовна.

– Прекрасно! Ну, вы знаете, что делать дальше, как и в прошлый раз – никаких следов не должно остаться.

Всё плохо! Она хочет уничтожить следы преступления! А мне придётся по памяти восстанавливать. Кто такая эта Маргарита? Комендант? Заведующая? Может, препод? Её эмоции мне совсем не понравились – совсем немного страха и очень много досады и раздражения. Напрягает ситуация тётеньку... Вот прямо конкретно напрягает, гораздо сильнее обычного напряжения от убийства во вверенном ей общежитии. Ёлки ведьмины иголки, что тут происходит?

Меня похлопали по щекам, и голос Влада позвал:

– Ада, очнись! Ну давай же!

Открыв глаза, я изобразила растерянность:

– А что случилось?

– Ты упала в обморок, – объяснил парень, радостный от того, что я из обморока выпала обратно.

– Ой... Как неудобно... – пробормотала я, поднимаясь. Мне очень хотелось вскочить, оттолкнув протянутые с двух сторон руки, но пришлось пересилить себя. Нельзя портить легенду.

– Ничего удивительного, – Кобринец умудрялся шипеть, даже когда в словах не было ни одной шипящей. – Не каждый день видишь труп в собственной комнате.

– А-а-а, труп! – вяло взвизгнула я, думая о своём, и меня тут же принялись утешать, успокаивать, а ещё и Нелька подключилась:

– Адочка, ужас какой, дорогая! Как же не повезло в первый же день! Пойдём к нам, у нас есть травяной чаёк, посидишь, пока тут всё уберут, пойдём, пойдём, я возьму твой чемодан...

– А может, ко мне, Вронская? – недобро зыркнув на лисичку, предложил Влад, но я была ещё в здравом уме, поэтому вежливо отказалась:

– Спасибо, конечно, но я пойду к девочкам.

– Как хочешь, – он пожал плечами, но остался недоволен.

Остальные актёры недавнего спектакля потихонечку расходились. Я не успела увидеть, кому принадлежал женский голос, но не волновалась на этот счёт. Маргариту Аресовну я ещё встречу. А вот домовой – кряжистый крохотный мужичок с короткой шкиперской бородкой – уже убежал и вернулся с высокой брюнеткой и малюсенькой тёткой в платочке. Первая оказалась ведьмой – я разглядела у неё на лице серые пятна – а вторая, домовичка, деловито притащила огромные для неё швабру и веник. Убирать будут. Одна манну, другая пыль. Ну и ладно, разберусь позже.

У Нельки оказалось светло, красиво и чисто. Она жила с двумя соседками: ещё одной лисичкой и рысью, которая мне сразу не понравилась. От лисичек исходило неукротимое любопытство с хитринкой, свойственной их роду, а вот от рыси – только высокомерие. Видимо, ей не понравилось, что я не показываю сущность, как это принято. Ну прости, дорогая, я инвалид, поимей немного уважения к врождённому уродству.

Меня усадили с комфортом, окружили всяческой заботой, даже чай подали уже в чашке и с печенькой. А потом засыпали вопросами, на которые я старалась отвечать, хотя угнаться за полётом мысли теплокровных оборотней было нелегко. Да, оборотень, нет, не умею, нет, проблем не создаёт, я привыкла, да, из Москвы, нет, хочу яды и всё тут, а у нас спецов мало-вато, и квалификация оставляет желать лучшего... Нет-нет, девочки, спасибо за предложение, конечно, но я всё же подожду свою комнату, не хочу вас стеснять, да и кровати лишней у вас нет, пусть, неважно, я крепко сплю по ночам, призрак умершей Иры Ивановой меня не потревожит!

В самый разгар беседы в комнату постучали. Алиса, подружка Нельки, откликнулась весело:

– Войдите!

И вошла женщина. Правда, выражение её лица дружественным назвать было можно с большой натяжкой. Она остановилась посреди комнаты и уперла руки в боки. От этого жеста девчонки сразу притихли и скукожились, даже в размерах уменьшились слегка. А женщина ядовитым тоном спросила:

– Я не поняла, а что это тут за посиделки такие?

– Маргарита Аресовна, мы новенькую чаем поим, у неё потрясение! – пролепетала Нелька, приподняв чашку. Ах, значит, вот она, Аресовна. Довольно-таки ещё молодая, с правильным, чисто славянским лицом, голубоглазая блондинка, но, как и у Полоза, холодный взгляд, поджатые губы, ироничный прищур. Змея, бр-р-р...

– Потрясение надо лечить в медкабинете, – заявила Маргарита, как отрезала. – А у вас, между прочим, лекции прямо сейчас. Извольте разбежаться по аудиториям! А вы, Вронская, к декану. Немедленно!

– С вещами? – вспомнила я подходящую фразу из-какого-то фильма смертных, и комендантша среагировала мгновенно:

– Шутить будете дома, а здесь у нас есть незыблемое правило: дисциплина превыше всего.

К дисциплине мне не привыкать, дорогая Маргарита Аресовна. Но я не ваша студентка, а секретный агент на задании, поэтому если надо будет нарушать для пользы дела – буду нарушать! Эту отповедь я произнесла, разумеется, мысленно, послушно встав и взявшись за ручку чемодана.

– Да я иду, иду, – пробурчала. – Спасибо за чай, девочки.

Выходя из комнаты вслед за величавой каравеллой Маргаритой, услышала завистливый шёпот Алиски:

– К декану вызвали... Ух, какая везучая! Разговаривать с ним будет!

Упс. Это что, привилегия теперь – быть вызванной на ковёр к начальнику факультета? Как интересно!

Глава 5. Подозрения

Второй раз за сегодняшний день я шла по коридору к деканату, правда, теперь уже с другой стороны и с комендантшей вместо путевой нити манной. Мне было не по себе. Конечно, я прекрасно понимала, зачем Полоз вызывает меня к себе, но не могла сообразить, почему так быстро. Почему не завтра? К чему такая спешка?

Маргарита Аресовна буквально втолкнула меня в предбанник, бросила офиснику:

– У себя? – и, не дожидаясь ответа, распахнула дверь в кабинет: – Вячеслав Олегович, вот, Вронская.

– Вронская, – повторил баритон декана. – Спасибо, Марго, можете идти.

Марго. Вон оно чо, Михалыч. Да они давние друзья. Отметив это в уголке мозга, я прошла в кабинет, старательно изображая из себя встревоженную вызовом институтку и наивную блондинку.

– Садитесь, – предложил мне Полоз, стоя у окна. Я села, уставившись на спину, туго обтянутую пиджаком в мелкую полосочку. Опять пытаться будет? Или сжалится?

– Очень испугались?

Ой. И тон какой-то мягкий стал... И спина уже не такая прямая, будто палку из-под пиджака вынули. Уж не сочувствует ли мне большой и холодный змей змеевич? Стоп. Мне же память типа прочистили. И он об этом знает. И спрашивает. Ога. Он знает про закрытое сознание, но не знает, каким образом. Продолжать играть дурочку? Или... Что там было написано в краткой истории семьи Вронских?

– Конечно, мне же не сказали, зачем вы меня вызвали.

Я всё же врубила дурочку. Полоз обернулся, пристально глянул прямо в душу через глаза. Это вам не мягкая домовьячья лапка! Змей просто подмял моё сознание под своё, завладев им, взяв и рассматривая, точно интересную игрушку.

– Кто ты?

Голос в моей голове звучал притягательно и любопытно. Видимо, он обладал некой специальной силой, как умелый гипнотизёр, проникал в самые потайные уголки мозга и доставал самые страшные тайны с полочек разума. Я закрылась ещё в коридоре общежития, оставив на виду лишь сведения и ложные воспоминания Ады. Однако почувствовала, что долго противиться голосу Полоза не смогу... Моя сущность рвалась из-за запертых дверей и глухо неразборчиво кричала: «Я Воронцова-Вельяминова!» А Ада сидела куклой и вяло, неуверенно твердила: «Вронская я, студентка Вронская...»

– Ты не так проста, студентка Вронская, – хмыкнул Полоз. И мне отчего-то показалось, что я не должна была слышать этих слов. Полоз слегка напрягся, мысленно огладил моё сознание, как напуганную лошадку, чтобы успокоить и вернуть доверие, и я начала играть в поддавки. Пусть думает, что имеет власть надо мной.

– Где ты, маленькая девочка? Иди сюда, не бойся, – бормотал он, открывая одну за другой бесчисленные пустые комнаты разума. И злился – на себя – что не может достичь цели. Кого он ищет? И зачем? Паника зародилась в глубине живота, я с трудом удерживалась, чтобы не захлопнуться раковиной моллюска, изгнав настырного декана из башки. Анимо! Аними! Анимо-аними... Этот непонятный пароль всегда придавал мне сил и позволял держаться в экстремальных ситуациях, как сейчас. Вдохнув глубоко несколько раз, я ощутила, как спокойствие и уверенность возвращаются ко мне. Идите, идите, Вячеслав Олегович, ищите то, не знаю что, вы не найдёте никакого компромата.

– Хм-хм... Очень, очень любопытно, – процедил Полоз сквозь зубы. Я видела его лицо совсем близко, но даже нарушение личного пространства не заставило меня дрогнуть. Хотя Русь бы уже получил по маковке...

– Мои дети тебя обидели.

То ли вопрос, то ли утверждение. Как это по-змеиному! Какие дети? У него есть дети? Мне об этом ничего не известно, я не готовилась, как Влад! Дети... Дети... Дети Полоза? Он произнёс это так, будто всё видел и знал, будто змеи докладывали ему ежедневно обо всех своих телодвижениях... Змеиный папаша... Царь...

Царь?

О ёлки ведьмачьи иголки! Великий Полоз... Как я сразу не догадалась! Мы же в Сибири! Блин с морошкой... Ошарашенная, я от неожиданности ответила ему:

– Нет.

– Я вижу страх. Маленькая девочка парализована от страха. Зачем ты приехала на змеведческий факультет, если так боишься змей?

– Я не боюсь, – в последнем усилии попыталась отказаться я.

– Боишься. Но не ты. Та, другая, которая прячется даже от тебя.

– Вы ошибаетесь, – ровным, ничего не выражающим голосом, ответила ему, с силой таща на себя виртуальную дверь от моих мозгов. Со смешком Полоз позволил мне закрыться, отодвинулся на некоторое расстояние и возразил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.